

В. С. СОЛОВЬЕВ

Письмо в редакцию

Я прочел заключительную статью А. А. Киреева, сообщенную мне в корректуре с согласия почтенного автора. Я охотно оставил бы последнее слово за моим уважаемым оппонентом, если бы его возражения* были направлены только против моих мыслей. К сожалению, А. А. Киреев счел себя вправе решительно и безусловно обвинить весь католический мир в ереси и даже в грехе против Духа Святого и провозгласить, что Католическая церковь более не существует, а следовательно, и вопрос о соединении Церквей не имеет смысла. Конечно, это было бы самое простое решение дела, если бы только можно было с этим согласиться.

Свое страшное осуждение католичества А. А. Киреев основывает единственно на несогласии своего понятия о Церкви с католическим учением об этом предмете. По мнению г. Киреева, самостоятельность Церкви *исключает* папский авторитет: ему нет места в Церкви. По католическому учению, напротив, Церковь *включает* в себя папский авторитет как один из основных элементов своего правильного устройства. Этот католический взгляд на Церковь существует не со вчерашнего дня. Прежде чем говорить об «узурпации» Пия IX, следовало бы вспомнить, как смотрели на церковное значение римской кафедры представители древней Церкви. Определения Ватиканского собора согласны в существе дела с заявлениями св. Льва Великого, который считал свой голос достаточным для решения важного догматического

* Многие из этих возражений меня удивили. Например, я упомянул мимоходом о Фоме Аквинате как об одном из представителей западного христианства. А мой оппонент возражает, что Фома писал против греков, которые сами немало писали против латинян! Также я был удивлен замечаниями о Данте и Рафаэле.

вопроса. Что же — и он еретик? и он хулитель Духа Святого?.. Конечно, можно, благодаря двусмысленности русского слова «непогрешимость», вкладывать в католическое учение всевозможные ужасы. Но зачем же это делать? Зачем также утверждать, что условие «ex cathedra loqui»¹ зависит от произвола папы, когда ни один католик в мире никогда не допускал и не допустит возможности папского произвола в деле веры и нравственности? По католическому учению папа (равно как и Вселенский собор) имеет *обязанность формулировать церковные догматы*, но не имеет никакого права выдумывать свои собственные.

Как бы кто ни относился к этому учению, во всяком случае должно признать, что в нем нет ничего уничтожающего церковный характер католичества: авторитет здесь не отделяет себя от Церкви, не присваивает себе никакого *безусловного* авторитета, не дает себе никакой произвольной и деспотической власти, ибо он пользуется *per assistentiam divinam*² только тою властью, которою Христос благоволил снабдить свою Церковь.

Так мыслили епископы, провозгласившие ватиканские определения, так мыслит и весь католический мир, принявший эти определения, католики, признающие в папе видимого главу своей Церкви, ибо это по их понятиям значило бы обезглавить церковное тело. Согласно католическому взгляду, папский авторитет существует не вне Церкви и не против нее, а в ней и для нее. Да и каким образом папство могло бы (если бы даже хотело) навязать католическому миру насильственную и деспотическую власть, когда оно лишено всяких средств насилия и деспотизма? В особенности настоящее положение папства делает совершенно очевидным тот факт, что авторитет ватиканского затворника опирается на любовь, доверие и религиозное уважение католиков к римскому престолу, и кажется, в этих чувствах нет ничего противоцерковного.

Восточное православие не определило и не формулировало на Вселенских соборах своего учения о Церкви. Все, что для нас обязательно по этому предмету, стоит в Символе веры: «Верую во единую, святую, кафолическую и апостольскую Церковь». Эта вера не отрицается католичеством, не отрицается Ватиканским собором, и следовательно, обвинять католиков в ереси мы не имеем никакого права.

Этого права не присваивали и не присваивают себе и иерархи нашей Церкви. Известно мнение знаменитого Филарета. Но и у современных нам иерархов мы находим подобные же взгляды. На одного из них я имел случай сослаться в другом месте (в последней главе «Великий спор и христ. полит.»).

Еще более твердое и прямое выражение истинно церковного взгляда на католичество представляет речь высокопреосв. митрополита

Киевского, недавно им произнесенная и напечатанная в некоторых газетах. В этой превосходной речи достойнейший архипастырь хотя и не предвидит близкой возможности для формального воссоединения двух Церквей, но никак не потому, чтобы находил между ними какую-то бездну в области веры и духовных начал, а совершенно напротив лишь потому, что раздор этих двух Церквей как самых близких и родственных между собою является наиболее крепким. Этот раздор признается здесь только *de facto*, а не *de jure*. Вот взгляд совершенно правильный, несомненно более христианский и бесспорно более авторитетный, нежели взгляд А. А. Киреева. В основу этого последнего, отвергаемого мною взгляда легло, если не ошибаюсь, такое понятие о Церкви, которое едва ли может быть защищено с православной точки зрения. По этому странному понятию существование Церкви обусловлено *правом* всех мирян подавать свой решающий голос в церковных делах, что будто бы они и делали на Вселенских соборах чрез епископов как своих уполномоченных. На мой взгляд, это есть прямое отрицание Церкви.

Жизнь Церкви не от мертвого человечества, а от Бога Живого, и власть Церкви не от собрания человеческих немощей с их мнимыми правами, с их мнимой свободой, а от Бога всемогущего, Который Сам избирает свои пути, Сам назначает Свои орудия. Церковь управляется не снизу, а свыше; образ ее устройства не демократический, а *теократический*. Вот почему избранные апостолы Христовы и их преемники, епископы Вселенской Церкви, когда постановляют свои решения, не говорят: «изволися народу чрез нас», а всегда говорили и говорят: *изволися Духу Святому и нам*.

Статья А. А. Киреева озаглавлена: «Воссоединение Церквей и славянство». Ясно, однако, что при обвинении католичества в ереси и в грехе против Духа Святого не может быть никакой речи о воссоединении Церквей, а если церковный антагонизм, разделяющий славян между собою, признается непримиримым, тогда нельзя серьезно говорить и о славянстве как о едином и солидарном целом.

России предстоит выбор между единством и раздором, между истиной и ложью. Чтобы выбрать истину, нужен нравственный подвиг, и с Божьей помощью Россия совершит его.

